

— Муронг Чуи, отпусти меня! Ты сошел с ума!

Цзян Есюэ продолжал отчаянно сопротивляться, но это не возымело действия. Наконец, не выдержав, он склонил голову и со всей силы впился зубами в плечо Муронг Чуи, надеясь, что гнев заставит того разжать руки.

Однако Муронг Чуи лишь слегка нахмурил свои красивые брови и не только не выпустил его, но, напротив, прижал к себе еще крепче.

— Я тебя чем-то задел? Или обидел? К чему такая жестокость? Только из-за этого лица? Хочешь, я вернусь и изуродую его, так пойдет?

Этот способ не помог, пришлось сменить тактику — Цзян Есюэ не верил, что у того может быть настолько ангельское терпение.

— Нет.

На этот раз Муронг Чуи наконец ответил.

— Тогда оставь меня в покое, слышишь? Ты вообще еще Муронг Чуи? Разве не тебя называют воплощением одержимости среди трех пороков? Разве ты не самый бесчувственный человек на свете? К чему тебе возиться с таким ничтожеством, как я?

Он вовсе не был бесчувственным. Цзян Есюэ не только знал это, но и прекрасно помнил, как именно появилось это прозвище — ведь именно он сам его и создал.

Ирония судьбы: теперь этот человек собирается использовать ту самую бесчувственность, чтобы спасти его.

На сей раз реакция Муронг Чуи была иной. Он тихо пробормотал:

— Ты слишком шумный.

Цзян Есюэ почувствовал неладное, как только Муронг Чуи начал читать заклинание. Он хотел что-то сказать, но голос пропал, и ему оставалось лишь с ненавистью смотреть на него.

Внезапно навалилась сонливость. Это была не просто усталость, а истинное действие снотворного. Раньше он еще мог бороться, не давая себе провалиться в забытие, но теперь силы окончательно оставили его.

Как бы он ни противился, в конце концов он обмяк на груди у этого человека и потерял сознание. Его ноздри наполнял тот самый тонкий аромат, которого он тщетно жаждал всю

первую половину жизни. Теперь, во второй половине, он собирался отпустить прошлое, так зачем же тот снова пришел, чтобы искушать его?

Неужели он и вправду настолько грешен, что не заслуживает прощения?

Одинокая слеза скатилась по его прекрасному лицу, намочив белоснежные одежды.

Почувствовав ровное дыхание на своей груди, Муронг Чуи невольно опустил взгляд. Почему-то на душе стало тяжело и смутно.

Когда он только поднял этого человека, он колебался, но ощущения от прикосновения к нему заставили эти сомнения отступить.

Он знал, что тот хрупок, но не ожидал, что до такой степени. На вид он был взрослым мужчиной, но весил подозрительно мало. Казалось, его талия состояла из одних лишь костей, без единого грамма плоти. Нет, правильнее было сказать, что от него, по сути, остались одни кости.

Муронг Чуи не стал относить его в постоянный двор, а направился в свое собственное жилище. Он не жил в поместье Юэ — возможно, в душе все еще не мог переступить через некий барьер.

Уложив гостя, он попутно снял заклятие немоты.

Муронг Чуи смотрел на спящего. Сколько бы раз он ни повторял себе, что это не Цзян Есюэ, сходство было пугающим. Настолько пугающим, что ему не раз хотелось убить этого человека.

Пан-пан-пан! В темном небе за окном одна за другой расцветали яркие цветы, озаряя всё вокруг разноцветными всполохами.

Муронг Чуи отвлекся на фейерверк, но вдруг в груди кольнуло. Ощущение, знакомое и ненавистное, вернулось спустя столько лет. Он понял: дело плохо.

Он поспешно сел в позу для медитации, направляя духовную энергию на подавление внутренней силы, пытаясь сохранить ясность ума.

— Как же так? Черное проклятие не давало о себе знать уже столько времени, почему оно проснулось сейчас?

— Цзян Есюэ, ты действительно не умер, верно? И даже добрался до Линьяня.

С тех пор как он совершил жертвоприношение и очнулся в поместье Юэ, проклятие молчало.

Оно могло перестать действовать только в двух случаях: если Цзян Есюэ сам его снял или если он погиб.

Все эти четыре года тишины заставили его поверить, что Цзян Есюэ мертв. Но раз проклятие вернулось, значит, он жив.

Он изо всех сил пытался подавить его, но разве можно справиться с тем, что копилось годами, одним лишь подавлением?

Холодные зрачки налились кровью. Ему нужна была кровь.

Кровь, кровь, кровь.

Хладнокровный господин в одно мгновение превратился в кровожадного зверя. Его глаза покраснели, тело охватила нестерпимая мука, и духовная энергия больше не могла сдерживать дикую натуру. В полубреду ему почудился манящий свет, указывающий путь.

Муронг Чуи, шатаясь, поднялся — тело само рвалось наружу, не подчиняясь разуму.

— Где это я?

Цзян Есюэ, только что окончательно стряхнувший остатки снотворного, огляделся по сторонам и резко сел. Его сознание все еще было затуманено, и он не заметил странного состояния Муронг Чуи.

Почти лишившийся рассудка Муронг Чуи, услышав этот голос, внезапно остановился. Он не последовал за зовом, а обернулся к человеку, сидящему на кровати и не подозревавшему о нависшей угрозе.

Пан-пан-пан! За окном снова вспыхнул фейерверк.

Цзян Есюэ, чье внимание было приковано к Муронг Чуи, невольно залюбовался красотой за окном. Он никогда не видел ничего подобного и невольно улыбнулся — его улыбка была подобна теплему весеннему солнцу.

Он подумал: Старик наконец-то сделал что-то стоящее.

Тот, кто уже почти потерял рассудок, на мгновение замер, очарованный этой улыбкой. Но лишь на мгновение. В его глазах этот человек сейчас был лишь лакомой добычей.

Не дождавшись ответа, Цзян Есюэ снова перевел взгляд на Муронг Чуи и увидел, что тот уже стоит прямо перед ним. Улыбка мгновенно угасла — нужно быть слепым, чтобы не заметить

перемену в Муронг Чуи.

— Господин Муронг, с вами всё в порядке?

Он инстинктивно отпрянул, но этот Муронг Чуи, окутанный аурой убийственной ярости, был слишком опасен. Как и прежде, Муронг Чуи мертвой хваткой вцепился в его запястье, не давая вырваться.

— Кровь... кровь... — прорычал он.

— Муронг Чуи, очнись!

Цзян Есюэ, отбиваясь, выкрикивал его имя, пытаясь достучаться до разума. Но всё было тщетно — ярость Муронг Чуи лишь разгоралась.

— Какая еще кровь?! Я человек!

Будь что будет, если не применю духовную энергию, я здесь и умру. Что на него нашло?!

Цзян Есюэ попытался сосредоточить энергию, но было уже поздно. С глухим стуком его прижали к кровати. Муронг Чуи навалился сверху, сковав его руки, и теперь о применении магии не могло быть и речи.

Цзян Есюэ оцепенел, глядя на того, кто навис над ним. Лишь когда в шее отозвалась острая боль, он пришел в себя.

Это было то же самое место. То самое место, куда Муронг Чуи впивался зубами, когда проклятие заставляло его искать встречи с ним.

— Это Черное проклятие!

Теперь всё стало ясно. Муронг Чуи обезумел из-за проклятия, ему нужна была кровь того, кто его наложил. Но ведь он сам его снял! Почему же оно снова действует?

Цзян Есюэ не мог найти ответа, да и не мог сосредоточиться — боль в шее была невыносимой. Крови вытекало всё больше, а Муронг Чуи не останавливался. Казалось, он хотел выпить его до последней капли.

Лицо Цзян Есюэ становилось всё бледнее. У него больше не было сил сопротивляться, и он лишь смотрел в пустоту темного неба, где, казалось, больше не осталось ни единого лучика света.

Вдруг он горько усмехнулся: Цзян Есюэ, ты сам во всем виноват, на что теперь жаловаться? Но ведь я правда снял заклятие, как же так?

— Почему вы все... почему вы не можете оставить меня в покое?

Он опустил веки, и слезы, просочившись сквозь ресницы, затерялись в волосах.

То ли он услышал мольбу Цзян Есюэ, то ли напился достаточно крови, но Муронг Чуи замер. Однако свирепость и жажда крови в его глазах не угасли. Навалилась тяжелая сонливость, и Муронг Чуи, словно волк, боящийся, что добычу отнимут, крепко обнял свою жертву и уснул.

Когда Муронг Чуи пришел в себя, его разбудил резкий запах крови. Его белые одежды пропитались алым, на губах запеклась кровь, а постель была в кровавых пятнах.

Но Цзян Есюэ исчез. Человек, которого он привел из жалости, пропал.

В памяти всплыли события прошлой ночи: каждая деталь была пугающе четкой. Он помнил шок и растерянность в глазах того человека, помнил, как тот отчаянно боролся, будучи скованным, помнил его слезы и мольбы.

Но его не было.

На душе у Муронг Чуи было смутно. Он лишь хотел помочь тому, кого ошибочно принял за другого, но в итоге погубил его. Этот человек не был тем, кто наложил проклятие.

Потеряв рассудок, он шел на зов, чтобы найти заклинателя, но почему-то, стоило тому позвать его по имени, он остановился и переключил гнев на безоружного человека.

И еще более странным было то, как тот смог уйти. Потеряв столько крови, с искалеченными ногами — как он мог сбежать сам?

Кто-то его забрал. И этим кем-то мог быть только Старик.

Муронг Чуи искал его повсюду, но никто в Линьане не знал этого человека. Люди лишь видели, как он время от времени заходит в город за книгами, едой или безделушками. Никто не знал даже его имени, не было ни единого упоминания.

Он словно никогда и не существовал, никаких следов.

— Почему вы все не можете оставить меня в покое?

Эта фраза то и дело всплывала в памяти. Сначала Муронг Чуи не придавал ей значения, считая игрой воображения. Но, успокоившись, он понял: это не бред. Это были слова, которые тот человек шептал ему, умоляя о пощаде.

Муронг Чуи вздрогнул. Он боялся поверить в свою догадку.

Этот человек, так похожий на Цзян Есюэ, и был Цзян Есюэ. Только его кровь могла унять Черное проклятие.

Значит, с самой первой встречи он не ошибся. Это был он.

Именно потому, что он был Цзян Есюэ, он противился Воде Исповеди. Именно поэтому Бамбуковый Воин атаковал его без приказа. Именно поэтому, осматривая его ноги, он обнаружил застарелую болезнь, тянущуюся больше десяти лет.

И именно поэтому, когда проклятие взяло верх, он остановился, услышав его голос, и по привычке впился в то же самое место.

Муронг Чуи всё понял. Почему Вода Исповеди не дала ответов? Потому что тот говорил правду. Он не лгал, поэтому и не было реакции.

Цзян Есюэ, ты всё такой же... вызывающий отвращение.

<http://bllate.org/book/22459/2362190>